

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

доктора философских наук, профессора

Маленко Сергея Анатольевича

о диссертации Хвастуновой Юлии Викторовны

«Трансформация духовности в современной постсекулярной культуре»,

представленной на соискание ученой степени

доктора философских наук по специальности 5.10.1. теория и история

культуры, искусства (философские науки).

Актуальность избранной темы. Стремительные изменения цивилизации и культуры, с которыми повсеместно сталкивается современный человек, требуют от него и принципиально нового уровня адаптивности, умения становиться гибким и легко встраиваться в новые институциональные и социокультурные пространства. Их широкомасштабная технологизация подвергает серьезным сомнениям эффективность прежних форм коммуникации, моральных, эстетических ценностей и традиций в целом. Новые способы интерпретации классических гносеологических парадигм практически обесценили в глазах современных поколений тысячелетние достижения человеческой цивилизации и культуры. Хотя цифровизация и позволяет придать культурным архивам статус общедоступных, они в определенный момент времени оказались практически невостребованными. В таком же положении сегодня находятся не только артефакты, научные открытия и художественные произведения, но и сам создатель этих шедевров – человек.

Постмодернистская идея о смерти автора закономерно привела цивилизацию к идее смерти последнего человека в его привычных и веками апробированных моделях социального и культурного взаимодействия. Распрощавшись с Богом в начале XX века, современное человечество подготовило собственный переход к новым формам интерпретации культурной ценности тела человека и его сознания. Не удивительно, что и культура сегодня все чаще начинает рассматриваться в контексте изменившейся картины мира, что приводит к появлению новых технологий социализации человека, его тела и духа. Рефлексия по поводу этих крайне драматических событий, которые переживает сегодня человеческая цивилизация, является не только традиционным делом пытливых умов, но и должна стать предметом профессиональных междисциплинарных философско-культурологических исследований. Поэтому актуальность и значимость темы, представленной к защите диссертационной работы Ю. В. Хвастуновой, как на теоретическом, так и на практическом уровнях не вызывает сомнений.

Специфика трансформации духовности в последние десятилетия приобретает вполне конкретные очертания, вызывает серьезную тревогу и требует предельно глубокого и всестороннего анализа как на общемировом, так и на национальном уровнях философско-культурологического освоения. Подобный подход позволяет максимально полно анализировать, структурировать и прогнозировать изменения, происходящие в сфере коллективного духа и ментальности. Серьезные геополитические вызовы лишь только обостряют накопившиеся внутри культуры за долгие века противоречия, которые всякий раз по-новому преломляются в

опустошенной душе современного человека. «Культура отмены» и повсеместная практика информационных войн явно обозначили переход цивилизации в качественно новое состояние, проявляющееся в конструировании новых моделей человека, природных и социокультурных пространств его обитания. Столкновение старых и новых форм духовного освоения природы и культуры настоятельно требует скорейшей разработки особой стратегии, способной защитить уникальное пространство российской культуры от поглощения, ассимиляции, а в перспективе и полного ее уничтожения новой постсекулярной «современностью», бесконечно умножающей конкурирующее между собой пространства институциональных и культурных симулякров.

Основное содержание диссертации. Композиция рецензируемого диссертационного исследования представлена введением, тремя главами, заключением и списком литературы, включающим в себя 463 источника (из которых 111 на иностранном языке). Общий объем работы составляет 288 страниц. Исследование начинается с создания Ю. В. Хвастуновой противоречивой панорамы состояния духовности современной постсекулярной культуры. Намечая общие методологические подходы, соискатель далее детально рассматривает трансгуманистический проект «новой духовности» и дает ему философско-культурологическую оценку. Завершает исследование авторское обобщение русской «философии сопротивления», позволяющее очертить ее концептуальные отличия от методологий и культурных практик трансгуманизма. Остановимся на этом более подробно.

Во **введении** диссертации автор фиксирует актуальность работы, представляет подробный анализ степени научной разработанности проблемы. Определяется объект – «феномен духовности в постсекулярной культуре» и предмет – «основные направления и аспекты трансформации духовности в постсекулярной культуре» (с. 12). Декларируемая автором цель состоит в выявлении базовых идей, характеристик и форм трансформации духовности в постсекулярной культуре (с. 12). Далее формулируются задачи исследования (с. 12-13). Отметим, что соискатель оптимально и релевантно сформулировал не только задачи, но и саму научную проблему диссертации, которая указывает на глубокое погружение автора в вопросы трансформации духовности с учетом одного из самых влиятельных и радикальных движений современности – трансгуманизма.

Первая глава «Теоретико-методологические основания исследования духовности в постсекулярной культуре» посвящена всестороннему анализу существующих методологических оснований философско-культурологических исследований духовности, претерпевающей сегодня значительное влияние агрессивных трансгуманистических теорий и практик. Концептуализация понятия «духовность» осуществляется соискателем с опорой на теоретические обобщения интеллектуального наследия русской философии. В то же время, анализ «новой духовности» позволяет автору зафиксировать наличие некорректных допущений, подмен, упрощений, стратегий использования постмодернистских языковых игр и имитационных приемов.

Соискатель отмечает факт, что в работах российских исследователей

духовности доминирует односторонний психолого-педагогический уклон. В то время как наработки русских философов, культурологов, искусствоведов и т.д. (с. 30) до сих пор в значительной степени остаются не замеченными. На этом фоне появление работ по западной социологии религии создает условие для всестороннего внедрения в научное и культурное пространство России теорий «новой духовности» (с. 44). В связи с этим, автор диссертационного исследования абсолютно уместно описывает, типологизирует, выделяет наиболее востребованные теории духовности, указывает конкретные институты и программы, которые разъясняли и доводили до российской научной общественности «правильные» ее новейшие концепты и понятия (с. 43-50).

Диссертант справедливо отмечает, что «ньюэджевская духовность» появляется на тридцать лет раньше понятия «новая духовность» и «New Age Spirituality», которые начинают активно распространяться уже только в XXI веке. Адептом «новой духовности» является Д. Кирби, которая обозначает три его ключевых основания: потребление, удовольствие, комфорт и предлагает термин «оккультура», фиксирующий процессы приватизации религии и создание большого религиозного рынка в рамках постсекулярной культуры (с. 52-53). Именно Д. Кирби заявляет о появлении новых видов духовности, напрямую зависящих от клиентского спроса. При этом особое место в создании «новой духовности» занимают киберпространство и трансгуманистическая духовность как наука о совершенствовании человека путем его киборгизации. Ю. В. Хвастунова обобщает целый ряд научных источников и выделяет характерные признаки «новой духовности»: неинституциональность, квазирелигиозность, редукция священного, этический плюрализм, нецельность, вариативность. В итоге соискатель дает определение духовности и «новой духовности» (с. 56-57).

Далее в первой главе диссертант на основании классических работ по массовой культуре осуществляет анализ постсекулярной культуры и характерных для нее вариаций. Также автор осуществляет разбор моделей постсекулярной культуры таких как: диджимодернизм А. Кирби, автомодернизм Р. Сэмюэлса, метамодернизм Р. Аккера, стакизм и ремодернизм Б. Чайилдиша, трансмодернизм Р. Магде, космодернизм К. Марару, реновализм Дж. Тота, перформатизм Р. Эшельмана и т.д. На основании философско-культурологического анализа вышперечисленных подходов Ю. В. Хвастунова устанавливает неоднозначный и противоречивый характер духовных процессов современности, а также создает типологию теорий постсекулярности.

Именно трансгуманизм, для которого характерен нигилизм по отношению к старым формам духовности, превращается в настоящий символ всей постсекулярной культуры, которая отличается амбивалентностью, религиозной неопределенностью, гибридность и пластичностью. Далее Ю. В. Хвастунова анализирует художественные манифестации трансгуманистической духовности. Соискатель справедливо утверждает, что произведения современной массовой культуры и киберискусства выступают наиболее удобными и оптимальными каналами продвижения идей «новой духовности» в массовую аудиторию. В поле анализа автора диссертации закономерно попадает известный анимационный фильм «Девять» а также творческие проекты М. Барни, М. Абрамович, П. Пиччинини, и В. Чупахиной.

Для трансформации духовности, по мысли Ю. В. Хвастуновой, также крайне важными оказываются сетевая и виртуальная среда, которые создают и транслируют киберрелигиозность, цифровую духовность, цифровые культы и сетевых гуру. В итоге соискатель совершенно закономерно очерчивает ключевые признаки «ньюэджевской духовности»: анонимность, сходство виртуальности и духовности, манипуляция с индивидуальностью, нечеткость границ, апологетика образов мутантов и киборгов, андрогинность, гипертрофированная сексуальность, гомосексуальность, эстетизация безобразного, альтернативная история, игровой формат, скандальность, цифровая метафоричность, антропоморфизация информационных структур, гипертрофированная чувственность, суицидальность, оккультно-магические практики, паразитизм на философских и религиозных теориях прошлого, агрессивные методы воздействия на реципиентов, формирование электронной культуры. Далее Ю. В. Хвастунова осуществляет систематизацию наличных философско-культурологических точек зрения в отношении трансгуманистической духовности, справедливо выделяя такие ее ключевые категории: бессмертие, трансчеловек, человек улучшенный, трансгуманистический бог, сингулярность, оккультизм, трансгуманистическая свобода.

Во второй главе «Культурфилософская оценка теорий и проектов «новой духовности» в трансгуманизме» мы погружаемся в разбор наиболее важных теорий идеологов трансгуманизма. Реализацию этой исследовательской стратегии Ю. В. Хвастунова начинает с выделения наиболее влиятельных организаций и анализа их эволюции и места в трансгуманизме. Следует особо отметить, что соискатель провел большую и значимую аналитическую работу, выделив неочевидные и скрытые задачи подобных организаций, которые традиционно выступают за подмену традиционного образования бизнес-ориентированными фондами и кластерами. Далее рассматриваются базовые теории и проекты формирования и продвижения «новой духовности». В диссертации подробно проанализирована теория «Райской инженерии» и гедонистического императива Д. Пирса, новейшая теория рисков Н. Бострома, малоизученная теория эмуляции, цифровой галактической технорелигии У. С. Бейнбриджа, теория западного космиста Б. Герцеля и его «Манифеста космизма», исключительно цифровой проект – «Церкви Тьюринга» Дж. Приско, а также американское движение «Терасем» М. Ротблатт. Безусловно, впервые произведенный соискателем подобный анализ является важным научно-теоретическим вкладом в деле углубления понимания сложных процессов трансформации постсекулярной культуры, что позволяет выделить целый ряд ее принципов и установок (с. 162-163).

В параграфе «Проекция псевдоконфессиональной конвергенции и модели духовности в трансгуманизме» соискатель представил авторскую типологию форм конвергенции трансгуманистического проекта с популярными религиозными конфессиями: буддийский трансгуманизм, христианский трансгуманизм, мормонский трансгуманизм и либертарианский вариант трансгуманизма. Следует согласиться с Ю. В. Хвастуновой в том, что эта практика позволяет адептам «новой духовности» существенно сблизить трансгуманизм с традиционными религиозными сообществами и склонить их к принятию радикальных трансгуманистических

технологий трансформации человека и культуры, а также к разработке и массовому продвижению виртуальной, сетевой модели сознания.

После разбора трансгуманистических стратегий и институциональных практик, соискатель обосновано предпринимает попытку обнаружения альтернативных интеллектуальных движений, активно оппонировавших трансгуманистической идеологии. Этому фактически и посвящена **третья глава** диссертационного исследования, в которой дан развернутый анализ «философии сопротивления», более всего представленный в работах отечественных ученых. Справедливо отмечая мировоззренческую и интеллектуальную неоднородность научного сообщества в России, Ю. В. Хвастунова привлекает внимание к оригинальным мыслям В. Кутырева, идеям представителей «Изборского клуба» и новациям ряда исследователей из МГУ. Анализируя принципы «философии сопротивления», соискатель формулирует программу по защите духовной культуры от экспансии трансгуманизма, в которой богочеловек противопоставляется человеку-богу как трансчеловек – постчеловеку. Следует согласиться с диссертантом в том, что подобная философская и политическая доктрина имеет смысл, поскольку позволяет в условиях современного, быстро меняющегося мира сохранить выдающиеся достижения старой, традиционной культуры. Хотя, нельзя не отметить, что рассуждения соискателя не лишены элементов религиозной ностальгии в отношении традиционалистской архаики.

Степень обоснованности научных положений, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, их достоверность и новизна. Рассмотренное исследование представляет авторскую модель соотношения противоречивых духовных процессов, присущих современной постсекулярной культуре, для которой характерно противопоставление стратегий трансгуманизма и «философии сопротивления». Предложенный корпус идей представляется в полной мере обоснованным и апробированным в целой серии публикаций автора и его выступлениях на научных мероприятиях различного уровня. Выводы диссертации, которая обладает несомненной практической значимостью для организации работы в сфере межконфессиональных отношений, также позволяют и значительно углубить современную теорию и историю культуры, другие смежные отрасли научного знания.

Достоверность полученных результатов подтверждается корректным выбором методологии, ее соответствием цели и задачам исследования, опорой на систематизированные авторитетные классические и современные научные источники, а также логикой изложения материала, адекватностью приводимых фактов и обоснованностью представленных выводов.

Замечания по диссертационному исследованию. Несмотря на общую положительную оценку диссертации Ю. В. Хвастуновой, она, не является свободной от замечаний и дискуссионных вопросов.

Во-первых, автор активно использует ключевое для диссертационного исследования понятие «духовность», что на наш взгляд, является совершенно оправданным. В то же время вызывает вопросы стратегия атрибуции духовности в целом ряде рабочих понятий диссертации Ю. В. Хвастуновой, например, таких как: «новая духовность», «ложная духовность», «подлинная духовность», «подлинные

основания духовности». Складывается впечатление, что автор обладает особым трансцендентным опытом, что обуславливает использование им таких категорий. При этом мы не должны забывать, что в рамках диссертационных изысканий мы находимся в достаточно строгом и регламентированном пространстве доказательных, логически аргументированных научных обобщений, которые не должны порождать новых логических ошибок и противоречий. По крайней мере подобных тем, что мы встречаем на с. 58 настоящего исследования в рамках авторского определения духовной культуры, под которой она предлагает понимать «все, что создает человек посредством своей творческой активности, обусловленной его духовным состоянием (духовностью)». Эти проблемы оказываются тем более острыми в условиях повсеместного обострения процессов межконфессионального взаимодействия в пространстве современного мира. Поэтому исследователь, который так или иначе касается подобных тем, должен осознавать свою ответственность за корректность используемой терминологии.

Во-вторых, диссертант констатирует, что в рамках трансгуманизма фактически происходит отказ от традиционных форм и ценностей культуры. Это, по ее мнению, свидетельствует о ложности посылок трансгуманизма, что и становится предметом критики. В то же время, отметим, что перманентная модернизация культуры всегда связывалась с поиском наиболее эффективных способов раскрытия сущности человека, его природного, божественного или же социального потенциала. О чем свидетельствует, например, эпоха Реформации, которая оказала колоссальное влияние на все формы политической, социальной и религиозной жизни, на все виды культурных практик.

В-третьих, современный трансгуманизм последовательно стирает грани между человеком и животным. В то же время все мировые культуры знали образы человеколюдей, зооморфных божеств, которые непрерывно появлялись в пространстве мифологических представлений и специфическим образом онтологизировали наиболее значимые социоантропологические смыслы. История культуры буквально переполнена примерами подобных практик, проникших во все сферы человеческой деятельности. Поэтому возражения Ю. В. Хвастуновой по поводу несостоятельности трансгуманистической идеи биотизации социокультурного пространства как одного из возможных сценариев его спасения от разрушительных последствий отчуждения от природы, представляются нам недостаточно обоснованными. Кроме того, необходимо вспомнить истоки и причины появления биополитики как яркого примера проявления наиболее острых реакций на сценарии трансформации современного социогуманитарного знания.

В-четвертых, рассмотрение трансгуманизма однозначно связывается диссертантом с обнаружением установок «новой духовности» в рамках которых искусство занимает одну из ведущих позиций (с. 99-102). Среди перечисленных тезисов значительная часть связывается автором рецензируемого диссертационного исследования с условностью этических, эстетических, ценностных и иных возможных границ, что позиционируется ею как явный недостаток. В то же время, ключевой механизм трансляции культуры – игра – всегда предполагала подобную подвижность и изменчивость. Например, критикуемый Ю. В. Хвастуновой образ

Трикстера (с. 101) как предвестника катастроф вообще является фундаментальным, значимым, общекультурным, коллективным символом, на протяжении тысячелетий позволяющим индивидам, социальным группам и обществу в целом существенно раздвигать горизонты «знакомого мира», осуществлять практики познания окружающей действительности и самих себя. Создается впечатление, что искусство и порождаемые в его рамках культурные образы предстают для автора некой, подлежащей строгой и постоянной регламентации, формой научного и доказательного знания, никак не связанного с творческой способностью воображения.

В-пятых, в тексте диссертации повсеместно содержатся рассуждения о подлинной духовности, которая, при этом, неизменно окрашивается религиозными кодами. В связи с этим возникает закономерный вопрос о месте и значении в истории цивилизации и культуры светских и иных возможных культурных практик, а также культурной миссии носителей атеистического мировоззрения в создании и трансляции подлинной духовности. В то время, как диссертант критикует трансгуманистов, предписывающих новому человеку необходимость жить в соответствии со своими идеологемами, она параллельно настаивает, что и новая духовность должна реализовываться исключительно в практиках долженствования. Получается, что как сама диссертация, так и рассматриваемая в ней новая духовность являются примерами апробации одной и той же нормативной, предписывающей методологической стратегии, не предполагающей свободы человека и каких бы то ни было ее проявлений в культуре и искусстве (с. 39, 40, 91, 104, 132, 137, 161, 188, 192, 194 и т.д.).

В-шестых, полемизируя с трансгуманистами как носителями «новой духовности» Ю. В. Хвастунова критикует их за введение в новые культурные практики упрощенных, оккультно-магических представлений, что характерно для всех новых форм реализации духовности. В то же время «подлинная духовность» мыслится автором диссертации в качестве «сердечного созерцания», «мистики груди» (с. 39), «подмены мистики оккультизмом» (с. 66), «активации мистичности» (с. 195), логики Трансцендентного (с. 217), «философии сердца» (с. 219, 222). Складывается впечатление, что в подобных случаях речь идет о конкурирующих друг с другом за влияние на умы и сердца людей идейных течениях, опирающихся к тому же на одни и те же гносеологические основания и оппонированных лишь только различным формам ритуальной реализации и отправления трансцендентного. Считаю, что этот момент нуждается в пояснении и комментариях.

В-седьмых, в тексте присутствуют и структурные недочеты. Так, по нашему мнению, параграф 2.1 должен был быть посвящен анализу культурных парадигм трансгуманизма в сравнении с классическими формами реализации духовности, а не рассмотрению организационной структуры движения трансгуманистов (с. 120-130). Такое же замечание может быть отнесено и к параграфу 3.2 настоящего исследования, который парадоксальным образом начинается с декларации готовых результатов, что вызывает как минимум удивление (с. 204). Фактическое отсутствие анализа культурного материала, обуславливает декларативный и категоричный характер авторских обобщений и выводов, что является недопустимым для рассматриваемого

нами формата научного текста. Безосновательность и категоричность подобных выводов, на наш взгляд, свидетельствует о некоей тенденциозности отдельных моментов исследования, по форме соответствующих идеологизированной традиции во многом тенденциозной советской «критики буржуазных концепций».

В-восьмых, Ю. В. Хвастунова утверждает, что сегодня обозначилась «устойчивая тенденция редуцирования духовности в формате «новой духовности», к тому, что сегодня наиболее полно отражено в НБИК+(С) технологиях. В итоге в сфере философии все разнообразие ее направлений редуцируется к цифровой философии и к нейрофилософии» (с. 212). С соискателем, безусловно, можно согласиться в том, что эксперименты над телом чрезвычайно опасны и, несомненно, влияют на сознание, ментальность и культуру. Тем не менее, отметим, что исторический опыт игнорирования тела и его роли в формировании духовности и культуры во многом стали причинами интеллектуальных революций и социальных катаклизмов. Считаем также, что формирование автором настоящего диссертационного исследования искусственного противопоставления тела и духа (в терминологии автора «метафизика духовности против плотской онтологии» с. 212) является сегодня крайне опасным, поскольку демонстрирует тот факт, что и самому исследователю явно не удается освободиться от плена идеологических, религиозных, корпоративных и иных стереотипов.

В-девярых, исследование трансформации духовности в современной постсекулярной культуре осуществляется на основании анализа ряда отечественных и зарубежных научных теоретических источников. В то же время текст диссертационного исследования, на наш взгляд, лишен необходимого анализа имеющегося спектра культурных практик трансгуманизма, которые соискатель подвергает критике. Фактически кроме параграфа 3.1 настоящей работы, где осуществлена попытка обзора некоторых авторских проектов трансгуманистической направленности и параграфа 3.3, в котором анализируются практики реализации «новой духовности» на примере регионального этнокультурного движения «Алтай Дян Ак Дян» (это всего около 7% текста диссертации), мы не встречаем рассмотрения иных культурных проектов подобного толка, которых в современном мире, несомненно, более чем достаточно. Что касается последнего параграфа третьей главы, то нам представляется, что было бы целесообразным его включение в первую или вторую главу диссертационного исследования, где соискателем анализируются трансгуманистические проекты.

Приведенные замечания требуют развернутых комментариев со стороны соискателя с целью прояснения методологических установок диссертационного исследования, которое обладает несомненной новизной. В то же время, указанные дискуссионные вопросы не снижают значимость выполненной работы и не ставят под сомнение ее основные результаты.

Отметим, что результаты исследования прошли необходимую для докторских диссертаций апробацию и опубликованы в 32 статьях ВАК, а также в международных изданиях и монографиях, что соответствует п. 11, 13 «Положения о присуждении ученых степеней». Автореферат полностью соответствует содержанию диссертации.

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней, утвержденным Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842. Таким образом, диссертационная работа «Трансформация духовности в современной постсекулярной культуре» является завершённым научным исследованием, выполненным на высоком профессиональном уровне, посвященным разработке эффективной и научно-обоснованной модели анализа механизмов взаимодействия ценностей и норм в современной культуре. Она соответствует требованиям, предъявляемым к докторским диссертациям согласно п.п. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с последними изменениями, внесенными постановлением Правительства Российской Федерации от 01 октября 2018 г. № 1168), а ее автор, Хвастунова Юлия Викторовна, заслуживает присуждения ей искомой ученой степени доктора философских наук по научной специальности 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (философские науки).

«27» октября 2023 г.

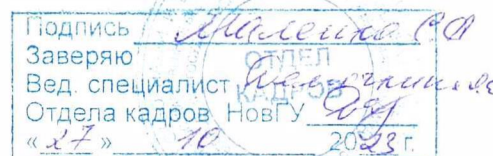
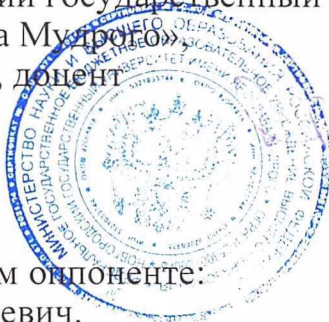
Официальный оппонент:

доктор философских наук, профессор
заведующий кафедрой философии,
культурологии и социологии
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет
им. Ярослава Мудрого»

Маленко Сергей Анатольевич

Проректор по научной работе
ФГБОУ ВО «Новгородский государственный
университет им. Ярослава Мудрого»,
доктор технических наук, доцент

Ефременков Андрей Борисович

Сведения об официальном оппоненте:

Маленко Сергей Анатольевич.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого».

Почтовый адрес: 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д. 41.

тел. 7 8162 62-72-44

e-mail: novsu@novsu.ru

сайт: <https://www.novsu.ru/>